

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-83-88

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СЮЖЕТА РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

© *Юрий Петрович Нечай*¹, *Анастасия Александровна Поверенная*²

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

¹nechay_ur@mail.ru ²adamovich2@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности такого вида устного народного творчества русского народа как волшебная сказка, представляющая собой неоднородное произведение по содержанию и по форме. Проводится лингвистический анализ их построения характеризующийся присутствием общепринятых присказок, зачинов и концовок с устойчивыми словосочетаниями, а также функциональные возможности языковых средств реализации сюжета, присутствие которых позволяет значительно расширять границы употребляемых слов за счет использования большой гаммы вторичных оттенков и усиливать эмоциональную окраску речи. Одной из характерных особенностей языка данного жанра устного народного творчества является обилие глаголов движения, присутствие которых объясняется наличием большого числа эпизодов, насыщенных действиями. Установлено, что присутствие метафор в текстах волшебной сказки допускает наличие сходства абсолютно разных признаков предметов в виде формы, положения во времени и пространстве и назначения.

Ключевые слова: устное народное творчество, волшебная сказка, жанр, лингвокультурная общность, языковые средства реализации метафоры, эмоциональная окраска.

Для цитирования: Нечай Ю.П., Поверенная А.А. Языковые средства реализации сюжета русской волшебной сказки // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 83-88. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-83-88

PHILOLOGY

Original article

Language means of implementing the plot of Russian fairy tale

© *Yury P. Nechay*¹, *Anastasia A. Poverennaya*²

Kuban state university, Krasnodar, Russian Federation

¹nechay_ur@mail.ru ²adamovich2@yandex.ru

Abstract. The features of a fairy tale as an oral folk art of the Russian people, which is a heterogeneous work in content and form, are considered. The linguistic analysis of their construction is carried out, characterized by the presence of generally accepted sayings, beginnings and endings with stable phrases, as well as the functionality of the language means of implementing the plot, the presence of which allows to significantly expand the boundaries of the words used by using a large range of secondary shades and enhance the emotional coloring of speech. One of the characteristic features of the language of this genre of oral folk art is the abundance of verbs of movement, the presence of which is explained by the presence of a large number of episodes saturated with actions. It is established that the presence of metaphors in the texts of a fairy tale admits the presence of similarities of absolutely different features of objects in the form of shape, position in time and space and destination.

Key words: oral folk art, fairy tale, genre, linguistic and cultural community, linguistic means of realization, metaphor, emotional coloring.

For citation: Yury P. Nechay, Anastasia A. Poverennaya Language means of implementing the plot of Russian fairy tale. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 90. No 1. P. 83-88. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-83-88

Введение

Любое знакомство с волшебной сказкой свидетельствует о том, что она представляет собой художественный текст, «оживляющий» и претворяющий в жизнь эстетическую функцию, свойственную фольклорной культуре. Аксиологическая сторона этого жанра устного народного творчества в современном культурном наследии трудно поддается оценке и видится не только в трансформации и сохранении мифов и обычаев далеких предков нашего народа, но и в формировании у современного поколения способностей для оценки явлений, вещей и поступков персонажей с этических, идеологических, морально-нравственных, социальных, и других позиций. В лингвистике этот жанр достаточно структурирован и хорошо подчиняется определенным законам.

Для адекватной, полной и образной передачи сказочного смысла, эмоций и оценок, существует широкий набор различных языковых средств, вербальная реализация которых позволяет не только привлекать к себе внимание слушателей или читателей, но и реструктурировать их взгляды, отношение, представление и поступки. Именно языковая выразительность способна эксплицитно или имплицитно широкомасштабно трансформировать что-то новое, необычное и захватывающее. Эта специфика сказки характеризуется богатым многообразием средств художественной изобразительности, главенствующее место среди которых занимают: звукопись, метафора, олицетворение, гипербола и др. В реализации сказочных мотивов участвует не только целый набор языковых средств, но и множество приемов и способов комбинирования звуков, слов, словосочетаний и предложений. Само формирование выразительного потенциала текста сказки не обусловлено привлечением только специальных художественно-изобразительных средств.

Обсуждение

Во многих случаях уже сама сказка, сохраняя и передавая нынешнему поколению отголоски древних языческих обычаев и обрядов, формирует основу для ее достоверного научного толкования. Это как раз и было подмечено В.Я. Проппом, который, благодаря наличию значительного объема традиционности и повторяющегося в ее структуре набора лексики, типологии героев и антигероев, смог выстроить функциональную модель для любого ее типа. Эта возможность связана с тем, что лексическое обрамление сказки относительно небогато, да и сами языковые конструкции представляют собой, в большинстве случаев, застывшие штампы. Поэтому и само изложение материала в рамках сказки протекает без каких-либо резких переходов, что не характерно для устного рассказа. Все это позволило ученому распределить действия на отдельные фазы и выстроить сам ее сюжет следующим образом: герой покидает дом, его странствия в далекие края – основа повествования, завершение и возвращение героя домой.

Сложность изучения и описания сказки заключается еще и в том, что она, как известно, в силу своей особой формы изложения, не доносит до своего читателя или слушателя, даже малую долю топографической информации, за исключением дороги в потусторонний мир, по которой должен пройти герой, но и она продиктована ему, большей частью, неземными силами. Этот путь в волшебных сказках, как правило, представляет собой, выражаясь современным языком, некий «портал» между живым и мертвым миром, недоступный простому смертному и охраняемым во многих случаях Бабой-Ягой. Проход через него под силу только достойному герою, а остальным необходимо пройти через целый ряд сложных испытаний. Начало сказочного сюжета знаменует, как правило, какой-то повод который побуждает героя оставить свое родное, близкое сердцу местечко, например: «В некотором царстве жил был купец, двенадцать лет жил он в супружестве и нажил только одну дочь, Василису Прекрасную» [3. Василиса Прекрасная. № 104. Т. 1. С. 127]; «Жили старичок со старушкой; у них была дочка да сыночек маленький» [3. Гуси-лебеди. Т. 1. № 113. С. 147].

Довольно часты и такие сюжеты, в которых герой постоянно сталкивается в своем доме со множеством незаслуженных унижений и несправедливостью. Примером тому мо-

жет быть сказка «Морозко»: У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает – ничем не угодит, все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась [3. Морозко. Т. 1. № 96. С. 116]. При таком раскладе отношений сказочному герою, вольно или невольно, приходится покинуть родимый дом, правда, в содержании самой сказки обоснование такого поступка отражается имплицитно. Но он не вызывает какого-либо недопонимания, как со стороны сказителя, так и реципиента. Объяснением тому служит наличие двух повествовательных рядов в фольклорном жанре: сакрального языка мифов и ритуалов и описательного, который согласует излагаемые факты, близко не свойственные опыту и памяти, как сказителя, так и слушателя. С помощью подобных манипуляций слушателю дается косвенное пояснение причины, побудившей героя не по собственной воле покинуть дом [5]: «И придумала мачеха падчерицу со двора согнать...» [3. Морозко. Т. 1. № 96. С. 116]. Поэтому, отправляясь в дальний и опасный путь, несчастный вынужден что-то искать или исправлять какое-то несоответствие, нарушение ритуала, обычая или помеху: «Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-Яге... Тебе, Василиса за огнем идти... Ступай к Бабе-Яге!» [3. Василиса Прекрасная. Т. 1. № 104. С. 127].

В сказке отражены и такие моменты, когда ее герою нельзя оставлять свое место проживания, однако он игнорирует табу, нарушение которого может привести к смерти или к потере чего-то для него ценного или очень дорогого, например: «Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком... Налете гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках» [3. Гуси-лебеди. Т. 1. № 113. С. 147].

Необычным выглядит и вербальное оформление сказочного текста. Начало сказки представляют, как правило, сходные, «отшлифованные» за долгое время модели, отсылающие слушателя к месту действия и служащие своего рода точкой отсчета. Например, такой начальной формулой может выступать факт пребывания или жизни героя в определенном месте: «В некотором царстве жил-был...» [3. Василиса Прекрасная. Т. 1. № 104. С. 127]; «Жили старик со старухой...» [3. Гуси-лебеди. Т. 1. № 113. С. 147]; «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царь с царицею» [3. Иван Быкович. Т. 1. № 137. С. 225]. Своеобразие сказки видится еще и в том, что в ней никогда не отображается конкретное время действия.

Оставление героем дома, известного и привычного объясняется тем, что он только таким образом преодолевает свой страх перед предстоящим, неизвестным и устрашающим. При этом он вынужден преодолеть нелегкий и опасный путь, полный смертельных опасностей, и оказаться в определенной точке потустороннего мира. Это огромное расстояние в разных сказках преодолевается разными способами, даже с помощью волшебного клубочка. Для этого сказитель использует особые формулы, представляющие действия самого героя, например: «Девушка согласилась и подарила ему золотой клубок, и пошли они вместе. Шли да шли, и дошли до серебряного царства – тут взяли с собой девушку; опять шли да шли, и дошли до медного царства – и тут взяли девушку...» [3. Три медных царства – медное, серебряное и золотое. Т. 1. № 128. С. 180]; «Дурень шел-шел...» [3. Летучий корабль. Т. 1. № 144. С. 253].

Усложненным вариантом такой формулы выступает глагол, обозначающий действие, а сама формула имеет, как правило, трехкратное повторение: «Едет далекым-далеко, день коротается, к ночи подвигается» [3. Кощей Бессмертный. Т. 1. № 156. С. 285]; «День шел, другой шел, на рассвете третьего дня видит...» [3. Марья Моревна. Т. 1. № 159. С. 300].

Для русских сказок характерна особая выразительная формула: «Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли...»: «Долго ли, коротко ли, заехал он в темный лес» [3. Иван-Царевич и Белый Полянин. Т. 1. № 161. С. 309].

Сказка начинается обычно с присказки, которая снижает достоверность повествования: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки» [3. Три царства – медное, серебряное и золотое. Т. 1. № 128. С. 180].

Необычный интерес сказочный жанр вызывает и тем, что и сказитель, и реципиент абсолютно не задумываются об истинности смысла содержания. Излагаемое формируется, по замечанию С.Б. Адоньева, из соединенных, сиюминутных звеньев определенных ситуаций. В случае их темпоральной дистанцированности, герой может совершать определенные перемещения, за исключением мысленных, во времени и пространстве [1].

Правила сказочного изложения допускают скрытое поучение, естественность чуда, расплывчатость или отсутствие в действиях или поступках и др. Главное место в большинстве случаев отводится загадочному, необычному, чудесному, которое, по своей сути – нелогичность, тесно переплетающаяся с отсутствием мотивации. Впечатление от рассказа сказителя у слушателя формируется путем необычного, захватывающего, без лишних лирических отступлений, слияния рассказчика с самим рассказом.

Для данного жанра характерно наличие множества вербальных вставок, присутствие значительного объема прямой речи, а также симметричных ритмических повторов, например: Пришли они домой; башмачник и говорит: «Ну-ка, смастери! Вот тебе товар самый первый; посмотрю, как ты умеешь». Иван-царевич пошел в свою комнатку, вынул дудочку, свистнул – явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» – «Чтобы к завтраму башмаки были готовы». – «О, это службишка, не служба!» – «Вот и товар!» – «Что это за товар? Дрянь – и только! Надо за окно выкинуть» [3. Три царства – медное, серебряное и золотое. Т. 1. № 129. С. 189].

Довольно распространенными в текстах сказки являются и всякого рода зачинные и завершающие формулы типа «жили-были», «бывало да живало», «я там был, мед-вино пил», «если не умерли, то и сейчас живут», «жить да быть и хлеб жевать» и др., например: «Жила-была старушка-княгиня; у нее росли сын да дочь – такие дородные, такие хорошие [3. Князь Данила-Говорила. Т. 1. № 114. С. 149]; «И я там был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало» [3. Королевич и его дядька. Т. 1. № 123. С. 163].

В содержании сказок нами отмечены и многочисленные радужные переплетения пословиц, поговорок, метафор, сравнений и других эмоционально-экспрессивных средств, в которых сохранены красочные отголоски простой народной речи: Вот и едет лисица на волке, сама попевает: «Битый небитого везет!» [3. Лисичка-сестричка и волк. Т. 1. № 2. С. 13]; «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» [3. Царевна-лягушка. Т. 2. № 269. С. 264]; Как аукнулось, так и откликнулось! [3. Лиса и журавль. Т. 1. № 233 С. 44]; «...приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки»; «и то дерево Кощей как свой глаз бережет»; «утро вечера мудренее»; «лягушонка в коробочке едет» [3. Царевна-лягушка. Т. 2. № 269. С. 264].

Глубокое изучение художественных средств языка сказки позволили А.А. Потебне (1835–1891) прийти к выводу, что слово является не только носителем, но и генератором определенной мысли. Обладая внешней звуковой формой, оно заключает в себе еще и определенное представление или образ, который выступает в виде внутренней формы [5].

Одним из стилистических приемов, наиболее часто используемых в текстах волшебной сказки, является, по нашим наблюдениям, метафора. Функциональный потенциал этого тропа заключается не только в экспликации лексической выразительности, в способности построения образов, но и в создании эмоциональных эффектов и, тем самым, в возможности более глубокого погружения слушателя или читателя в сам текст.

В отечественной лингвистике и философии термин «метафора» понимается в трех значениях: как слово с переносным смыслом; как один из тропов, входящих в ряд ему подобных; как слово, словосочетание, предложение или определенный с переносным смыслом. В последнем случае метафорой можно назвать пословицу, сказку, идиому, притчу, целый роман [2].

Функциональный диапазон метафоры – это не только поэзия и аллегории литературного жанра. Она присутствует и в произведениях сказочников, например: «Слушай, ворон воронович! – молвил серый волк. /.../ слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство, и принесешь мне мертвой и живой воды» [3. Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке. Т. 1. № 168. С. 331].

Данный троп, обладая особым экспрессивным потенциалом, является также и важным маркером художественных средств в языке. По определению, представленному в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, метафора – это «оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства, сравнения» [4, с. 308].

В лингвистике она понимается как сжатое сравнение, которое не имеет предикатов схожести (*похож, напоминает* и др.) и сравнительных союзов (как, как будто, как бы, словно, точно и др.), например: «Вот едет он (Дед – А. Поверенная) и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге» [Афанасьев. Лисичка-сестричка и волк. Т. 1. № 1. С. 11].

В прагматике метафора понимается как способ употребления языка, при котором знаковое значение слов используется для выражения других смыслов и представляет собой «семантическое явление, обусловленное наслоением на прямое значение слова под влиянием узкого или широкого контекста добавочного смысла, который у этого слова в составе произведения становится доминирующим» [6, с. 22], например: «В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый» [3. Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке. Т. № 168. С. 331].

Выводы

Лингвистический анализ текстов волшебных сказок свидетельствует о том, что в своей основе метафоризация допускает наличие сходства абсолютно разных признаков предметов в виде формы, положения во времени и пространстве, назначения и др. Таким образом, изучение сказочного текста и языковых средств его реализации, позволяет по-новому осмыслить специфику построения, семантического содержания и вербального оформления самой сказки, что создает возможность для более полного и системного выявления как универсальных, так и этнокультурных ее особенностей, достаточно четко рефлектирующих культуру и менталитет отдельно взятого народа.

Список источников

1. *Адоньева С.Б.* Волшебная сказка в контексте традиционной фольклорной культуры // Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1989. 12 с.
2. *Алексеев К.И.* Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 73–85.
3. Народные русские сказки: В 3 т. М.: Наука, 1984. 512 с.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
5. *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1995. 664 с. – URL: <https://www.km.ru/referats/8D29F4AB3BC9456B94DEFB9444C601A8> (дата обращения 10.10.2021).
6. *Хендрикс У.* Стиль и лингвистика текста // НЗЛ. Вып. 9. М.: Прогресс, 1980. С. 234–251.
7. *Эпоева Л.В., Миронова М.П.* Мотив как основа волшебной сказки // Научные труды КубГТУ. 2017. № 8. С. 289. – URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/1844> (дата обращения 30.10.2021).

References

1. *Adonyeva S.B.* A fairy tale in the context of traditional folklore culture: // Abstract thesis. Leningrad, 1989. 12 p.
2. *Alekseev K.I.* Metaphor as an object of research in philosophy and psychology // Problems of psychology. 1996. №. 2. Pp.73–85.
3. Folk Russian tales: In 3 volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1984. 512 p.
4. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language / Ed. N.Yu. Shvedova. M.: Russian language, 1983. 816 p.
5. *Potebnya A.A.* From notes on the theory of literature. Kharkov, 1995. 664 p.
6. *Hendrix W.* Style and linguistics of the text // NZL. Issue 9. Moscow: Progress, 1980. Pp. 234–251.
7. *Ероева L.V., Mironova M.P.* Motive as the basis of a fairy tale // Scientific works of KubSTU. 2017. No. 8. P. 289. – URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/1844> (accessed 10/30/2021).

Статья поступила в редакцию 08.01.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 25.01.2022.

The article was submitted 08.01.2022; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication 25.01.2022.